

Нелегальный монастырь в с. Филейка

Е.Н. Чудиновских



В прекрасном месте на высоком берегу реки Вятки в центре города Кирова с первой четверти XVII века стоит древнейший на Вятской земле Спасо-Преображенский женский монастырь. Были в его почти четырехвековой истории светлые дни, проведенные в трудах и молитвах, были и черные, проведенные в слезах и мучениях. Такие дни для монастыря принес век XX.

Монастырь никогда не был ни особо богатым, ни многоземельным. Насельницами его были в основном лица крестьянского сословия. Часто девочек отдавали в монастырь в 8-10 лет. Там они обучались грамоте и ремеслу, там и жили, молились, трудились до глубокой старости. Присяжный поверенный монастыря Николай Васильевич Огнев в 1918 году писал о северных женских монастырях, имея в виду Спасо-Преображенский: «...Наряду с богатыми монастырями, в России существует немало очень бедных монастырей, населенных лицами из бедных классов общества, существующих исключительно личным трудом монашествующих. Таково большинство женских монастырей северных губерний, где монашествующими являются лица крестьянского сословия. Эти монастыри уже давно представляют собой своеобразное разрешение женского вопроса в наших северных деревнях, когда лишние члены крестьянских семей при скудном крестьянском наделе должны уходить на посторонние заработки в поисках труда и пропитания. Монастыри являются для них приютом, где эти добровольные изгнанницы, «лишние рты» находят для себя и школу труда и приложение рабочей силы, и пищу, и кров, и призрение на случай болезни или старости...»



В 1923 году в ходе реализации Декрета об отделении церкви от государства из стен монастыря их изгнали, переведя около 180 насельниц в село Филейка недалеко от города Вятки, разместив на территории Филейского монастыря. Однако через 10 месяцев выселили и оттуда. Разошлись они тогда кто куда — кто-то вернулся в родную деревню, кто-то поселился при храмах, а часть остались в самом селе Филейка и окрестных деревнях.

Об их судьбе повествует судебно-следственное дело за № СУ-8022, хранящиеся сейчас в Государственном архиве социально-политической истории Кировской области.

Формально дело было начато с заявления в отдел ГПУ президиума Мухинского сельсовета от 20 декабря 1930 года такого содержания:

«В районе Мухинского сельсовета по разным деревням проживают монашки бывшего монастыря в количестве 20 человек. Все определенного места жительства, за исключением трех, которые живут в собственном доме, не имеют. Шатаются по деревням и ведут распространение и контрреволюционную агитацию против проводимых советской властью мероприятий. Ежедневно собираются в нелегальном монастыре монашеского дома, организатором которого является Санникова Татьяна Михайловна. Распространяют церковную литературу, крестики, иконы, и святую воду среди населения, за что берут с населения деньги, продукты и т.д. Устраивают нелегальные собрания женщин в лесу, последствием чего является срыв самообложения, сельхоззаготовок и др. компаний. Есть случаи, что к ним приходят женщины из других районов. Мухинский сельсовет просит ОГПУ принять необходимые меры к ним и выселить их из района нашего сельсовета...»

Думается, что даже члены сельсовета не предполагали насколько далеким будет выселение этих помешавших строить новую счастливую жизнь пожилых женщин.

Реакция на заявление была очень скорой.

1 января 1931 года была арестована Татьяна Санникова, названная организатором нелегального монастыря, а вместе с ней — Ольга Шулятьева, Анна Фарафонова (Фофанова), Анна

Скопина, Мария Понамарева (Пономарева), Анастасия Понамарева (Пономарева), Домна (Доминика) Погудина, Анастасия Осовских, Александра Кошкина, Анна Королева, Евдокия Коновалова, Екатерина Козлова, Мария Кислицына, Мария Желвакова. Арестован был и священник церкви села Филейка о. Виктор (Левашов Виктор Николаевич). 2 января была арестована Надежда Тиунова.



В одном из протоколов допросов говорится: «...Когда первого января 1931 года большинство монашек было арестовано, то третьего января оставшиеся пошли в ОГПУ и просили, чтобы их посадили вместе с теми, так как без арестования (так в документе) они будут жить не в состоянии. Приходили Целищева Мария, Сунцова Серафима и другие...» Их арестовали 3 января. Одна из оставшихся на свободе, но тоже приходившая просить арестовать ее, Пантюхина Екатерина Ефимовна, говорила: «В монастыре монашки жили по несколько десятков лет, жили все очень дружно, и долгая жизнь совместно приучила заботиться друг о друге и помогать. Так что уж если сейчас часть монашек арестовано, то нам их жаль, и мы согласны быть арестованы вместе с ними».

В ходе судебного разбирательства выяснилось, что после закрытия Филейского монастыря, часть сестер поселились (или как написано в документе «приютились») жить в палатке при церкви села Филейки. Большая же часть рассеялась по окрестным деревням и селам. В самом селе Филейка остались только Санникова Татьяна, Погудина Доминика, Коновалова Евдокия, Измestьева Ольга, Попова Анастасия и Тиунова Надежда. Санникова, Погудина и Коновалова начали строить свой дом в селе, который к 1927 году был отстроен. Формально он принадлежал Санниковой Татьяне. Судя по документам, ей и удалось писанием икон заработать основную сумму на строительство. Устроили его по-монастырски, начали проводить молебны, на которые стекались монахини и крестьяне окрестных деревень. И стал он организующим центром для потерявших приют монахинь. Они приходили туда молиться, поговорить о жите-бытье. Здесь же кто-то писал иконы, кто-то изготавливал крестики. Затем старшие распространяли святую воду, иконы, крестики, церковную литературу в окрестностях. В протоколе допроса одной из сестер

Чемодановой Анны Михайловны рассказывается: «После закрытия монастыря жили на разных квартирах по 2-3 человека, приспособиваясь под монастырский образ жизни. Жили в келейках, собирались для совместных бесед в церкви и доме Санниковой. Шли беседы о монашеском образе жизни, читали книги священного писания и учили молодых, как надо жить и вести беседы с приходящими верующими...» Все, кто постоянно собирался вокруг нового монастырского дома, и оказались вскоре в числе арестованных. Их было 18, имена их перечислены в списке арестованных. Главным инициатором такого сбора вокруг церкви и монашеского дома называются Санникова и Шулятьева.

Ковязина Татьяна говорила: «...В доме Санниковой проходили беседы с монахинями, как надо вести себя в среде верующих, как научиться кротости и смирению. Точно также указывалось и на то, что долг каждой монахини – вести беседы с верующими... Беседы у Санниковой были один раз в неделю». Кошкина Федосья дополняла ее рассказ: «После разгона монастыря остались мы жить в близлежащих деревнях, так как Филейку исстари посещала масса верующих... Так за счет приносимых гостинцев мы и жили. В церкви стали работать псаломщицей Шулятьева Ольга Андреевна и сторожихой Попова Анастасия. В церковной палатке и в церкви был обеспечен приют приходящим сестрам. В дом Санниковой приходили ночевать все женщины, пришедшие в церковь издалека. С ними проводили беседы. Сама Санникова – хорошая мастерица писать святые иконы, которые охотно разбирались приходящими женщинами. В церкви мы выполняли все распоряжения старшей матери – Шулятьевой Ольги Андреевны, строго соблюдая монастырские обычаи. Это создавало некоторую торжественность и влияло на молящихся. Отзывы о наших службах мы слышали от приходящих самостоятельно. Я занималась золочением по дереву иконок, за счет этого и жила...»

Пошла слава о новом монастыре. Он стал пользоваться большим авторитетом не только среди женщин Вятского района, но и других районов. Со всех концов стекались женщины на благословение, приносили в монастырский дом холст, муку, крупу, мед, сало и т.п. Писанные ими иконы с охотой разбирались.

В сентябре 1930 года в лесу у Филейского кладбища провели собрание, куда пришли 40 сестер Преображенского монастыря. Думали, как жить дальше. Приученные к труду, решили, что будут существовать на то, что заработают сами. Все были большими рукодельницами, все отлично шили. И было решено: заниматься рукоделием, шитьем, стежкой одеял, а кто постарше – продажей иконок и крестиков, также изготовленных самостоятельно. Решено было и приходящим сестрам помогать – организовать для этих целей «братскую кружку», куда отчислять часть полученных средств. Жизнь налаживалась, можно было даже помечтать о будущем.

Крестьянка Корякина Александра Федоровна, у которой поселились Королева Анна Семеновна и Скопина Анна Ивановна рассказала, что «...устроились они в одной комнате, которую обставили так, что походила на монастырскую келью. Передний угол был весь заставлен иконами, перед которыми горела неугасимая лампада. Возле стен стояли узенькие кровати с высокими матрасами и пышными подушками... Королева А.С. занималась писанием святых икон... С заказами на иконы к ней приходили женщины из деревень и церковные старосты из других приходов. Точно также ходила она в Вятку брать заказы по домам.

Примерно также устраивали свою жизнь и остальные.

Обвинительное заключение по делу было предъявлено священнику Левашову Виктору Николаевичу и 18 бывшим насельницам Преображенского монастыря.

Обвинялись все девятнадцать в том, что «...объединившись в нелегальный женский монастырь в с. Филейка ... по окрестным деревням и среди приходящих в церковь молиться женщин распространяли всевозможную церковную литературу, кресты, иконки, святую воду и проч., одновременно ведя антисоветскую агитацию против проводимых советской властью мероприятий на селе..., т.е. совершали преступления, предусмотренные ст. 58 п. 11 УК. Кроме того, задерживали у себя разменную серебряную и бронзовую монету, стремясь тем самым сорвать нормальное денежное обращение на рынке, т.е. совершали преступление, предусмотренное ст. 59 п. 12 УК...

Судили всех по этому делу Особым Совещанием при коллегии ОГПУ Нижегородского края 05 июня 1931 года. Часть отправили отбывать в ссылку в Казахстан на три года, часть – в Среднюю Азию, часть – в Северный край на тот же срок.

Мы не знаем, как сложилась их дальнейшая судьба, за исключением судьбы Левашова (он был расстрелян в 1937 году уже по другому делу) и Татьяны Санниковой, которая умерла в тюрьме 27 мая 1931 года, не дождавшись приговора. Известно, что приговор всем был оглашен в августе. Но через полгода, 14 января 1932 года, из Нижнего Новгорода пришла справка, где говорилось о том, что осужденные до сего времени к месту назначения не прибыли... Дошли ли этапом до далекого Севера, Казахстана, Средней Азии эти женщины, которым было более 50, а то и 60 лет, неизвестно. Это последнее упоминание в документах об этих людях...